

ЗНАКОМСТВА И ВСТРЕЧИ

Недавно в областном драматическом театре состоялась премьера спектакля «Женский стол в «Охотничьем зале» ю пьесе В. Мережко. Она явилась творческим дебютом нового главного режиссера театра В. В. Бухарина, который принял коллектив с началом сорок первого театрального сезона.

Заслуженный деятель искусств РСФСР

главный режиссер областного драматического

театра Валерий Васильевич БУХАРИН

«...Я—ЗА ТЕАТР ДЕМОКРАТИЧНЫЙ...»

— Валерий Васильевич, хотя я только что упомянула о вашем дебюте в качестве главного режиссера нашего театра, знаю, работать с этой труппой вам уже приходилось. Очевидно, это как-то связано с тем, что вы теперь возглавили Калининградский театр?

— Да, об этом коллективе, о положении в нем я имел представление. В конце 70-х годов, в качестве приглашенного постановщика, я ставил здесь пьесы Н. Думбадзе «Обвинительное заключение» и А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся». И бывший главреж Калининградского театра Юрий Чернышев был моим однокурсником и другом. И когда возглавлял Псковское отделение тогдашнего ВТО, мне приходилось контактировать с калининградцами, так как мы относились к одной зоне. Кстати, это моя третья попытка возглавить ваш театр. Дважды мне это в силу разных обстоятельств не удавалось. Теперь вот получилось...

— Значит, наш город, наш театр вам чем-то импонируют?

— Я чувствовал, что здесь смогу реализовать те свои намерения, которые мне не удавалось осуществить ни в Пскове, ни на сцене Краснодарского театра, где я работал в последнее время. Меня, например, привлекает театральное действие эпического размаха. Мне хочется поработать в жанре синтетического театра. Для этого нужны особые постановочные возможности, возможности труппы. Мне кажется, все это есть у калининградцев. А кроме того, я успел высоко оценить местного зрителя, пожалуй, более театрального, чем в других городах, где мне приходилось работать.

— Но, как вы, очевидно, знаете, сменяемость главрежей в нашем театре, особенно за последние годы, была велика. Вас это обстоятельство не смущает?

— Нисколько. По-моему, это естественный и закономерный процесс, для областного театра тем более. Год ты себя проявляешь как режиссер, второй — закрепляешь достигнутое, третий — находишься на пике актерского и зрительского интереса. А дальше, дай бог, еще пару лет его удерживать, пока есть какой-то запас в голове. Я, например, для себя болею чем на пять лет работы в этом театре не загадываю.

В Пскове я работал десять лет. И считаю, получился перебор. Последние годы там я прежнего азарта не испытывал. Наверное, и сам стал менее интересен публике. Стабильность в театре — явление, на мой взгляд, не нормальное. Я говорю о театре периферийном. В столичных ситуациях иная. Да и там, пожалуй, не все обстоит просто.

— Вы пришли в наш театр с какой-то своей программой?

— Мне не хотелось бы здесь давать авансы, что с моим приходом театр станет другим, что я здесь все переиначу. Предстоит много работать с труппой. Костяк ее среднего возраста — очень интересный. Но с молодежью надо еще что-то думать, решать. В Калининграде ситуация в труппе такая же сложная, как и в других городах. Есть актеры, но нет коллектива.

Хотя во многом здешняя труппа выгодно отличается от других. Например, благодаря все той же частой сменяемости режиссеров, она более «размята» что ли. Актеры бо-

лее пластичны, более восприимчивы к новым идеям. Более высокой профессиональной культурой отличаются. Сказывается то, что они имеют возможность видеть постановки своих прибалтийских, польских коллег.

В Калининградском театре — хорошо оборудованная, удобная сцена, теперь еще есть и симфонический оркестр. Спасибо Юрию Чернышеву, он подобрал поющую часть труппы. Так что есть возможности решать самые разнообразные творческие задачи.

— Я слышала, что вы поначалу сами не соглашались на ваше утверждение в должности главрежа. Достаточно длительное время оставались только исполняющим обязанности. Это было чем-то предопределено?

— Требовалось какое-то время, чтобы я и труппа присмотрелись друг к другу. Кстати, это было наше обоюдное желание с актерами. Главреж должен быть лидером в коллективе. Но о коллективе я вам уже говорил... Здесь все всегда не просто. Ведь как судят: дал роль — хороший режиссер, не дал — сами понимаете... Так что поиски общего языка весьма сложный процесс. Это Станиславский в свое время считал, что в театре должна быть диктатура режиссера. Сейчас этот тезис по сути дела снят.

Для меня весь спектр интересов лежит в сфере творческой. Когда начал вплотную работать с труппой, меня, в конце концов, перестал занимать вопрос: кто я — «и. о.» или главреж? Главное, я сейчас не испытываю никакого административного давления,

никто со стороны не вмешивается в мои творческие планы. А это уже хорошо.

— В фильме «Успех» актер Леонид Филатов ярко показал нам образ режиссера, для которого актер служит только материалом для воплощения собственных замыслов. Вы разделяете эту позицию?

— Нет. С моей точки зрения режиссер в какой-то мере воспитатель в детском саду. Не улыбайтесь. Он так же приходит к актерам и предлагает им игру, условия игры, никого не ломая и не калеча, а только заводя на игровое начало.

— Как главреж вы видите наш театр театром одного режиссера или вам нужны и другие?

— Необходимы. Когда-то А. В. Луначарский сказал примерно так: «В нашем социалистическом огороде должны расти разные овощи. Из этого произрастет единая социалистическая культура». Эти слова всецело применимы к театру. Рядом со мной работают Борис Афинский, Эмиль Ванштейн, каждый из них по-своему интересен. Когда много режиссеров — это открывает возможность широкого выбора и для актеров, и для зрителей.

— Сейчас все отмечают резкое «обмеление» современной драматургии. Что ставить, чему отдать предпочтение, как вы считаете?

— Это правда. Если еще совсем недавно жаркие споры возникали вокруг пьес Казанцева, Арро, Галина, то сейчас, когда они получили широкий выход к зрителю, порой складывается впечатление, будто все это написано одним драматургом. Увы, нет сейчас величины, равной, допустим, Вампилову.

Мне же театр Брехта и Шекспира всегда в большей степени были близки, чем театр Розова, Арбузова или Володина. Я тяготею к инсценировкам большой литературы, в которой находят отражение судьбы человеческие, судьбы народные. Поэтому ставлю сейчас «Смерть Иоанна Грозного» А. Толстого, ставлю как скоморошье действо, потому что вижу в ней трагедию тирании, рассказанную как бы устами народа.

Собираюсь поставить «Трехгрошовую оперу» Б. Брехта. Но не так, как обычно принято трактовать это произведение. Мне вообще представляется, что социологизация пьес Брехта — процесс для них насильственный. Автор прежде всего стремился показать грусток человеческих страстей, сам отказывался от каких бы то ни было исторических аналогий. В этом русле лежат и мои поиски.

А на малой сцене я думаю осуществить постановку чехов-

ского «Вишневого сада». Вообще с малой сценой нашего театра связаны многие надежды. Она должна стать творческой лабораторией, ареной поисков и эксперимента. Думаю, это осуществимо, так как сейчас с театра сняли требования по количеству спектаклей, что придавало малой сцене коммерческий характер.

В наших планах осуществить здесь постановку пьесы Э. Ионеско «Король умирает». Это, как вы знаете, драматург театра абсурда. Но коль скоро история мирового театра прошла такой этап, я считаю, его должна пройти и наша сцена. Еще один спектакль театра абсурда будет ставить у нас мой ольштынский коллега К. Зимбинский. По пьесе Мрожека «Танго».

— Вы полагаете, наш зритель для этого достаточно подготовлен?

— А почему бы и нет... В театр люди идут за неожиданным.

— Я бы тут с вами, пожалуй, не согласилась. Многие, как мне кажется, как раз радуются встрече со знакомым, понятным.

— Стереотип восприятия, конечно, существует. Но не у всех же он приобрел окончательные, закостеневшие формы. Например, прежде чем выйти на широкую публику со спектаклем «Женский стол в «Охотничьем зале», кстати, тоже имеющем признаки театра абсурда, мы показали его старшеческим классикам. И как выяснилось, они прекрасно приняли условия игры, предложенные драматургом и театром, все поняли и смотрели спектакль с большим вниманием.

Поймите меня правильно, я — не за театр элитарный. Я — за театр демократичный, предоставляющий зрителю широкий выбор, но не опускающий планку художественного, эстетического качества, чтобы потратить зря чужие деньги.

— Работе режиссера не всегда сопутствует удача. Бывают, конечно, и какие-то «проколы». Как вы относитесь к тому, что нас за них критикуют?

— Терпеливо. А если критикуют по существу, бываю даже за это благодарен. К сожалению, рецензенты не всегда дают, не всегда понимают пьесу как в своих хвалебных, так и в ругательных рецензиях. Но мне нравится, что вы, например, у себя в газете поставили рядом два различных суждения о моем спектакле. В редком случае, я на критику отвечать не собираюсь.

— Мы встретились с вами в здании Междугородного драмтеатра. И попросили вас и вашу труппу и весь театр поделиться успехом.

— Спасибо.

Беседу записала
Н. ВИКОЛАЙНА.